

Реплика

Уважаемые коллеги, я не готов предложить какие-то результаты конечного анализа, который бы позволил приблизиться к ответу на вопрос наш сегодняшний "Куда идет Россия?" Я хотел бы высказать некую гипотезу о том, как надо начинать приступать к этому анализу, но мне кажется очень неплодотворно, с точки зрения изучения этого вопроса, анализировать текущие, данного месяца, данного года, хозяйственные проблемы. Они несопоставимы с ответом, с поисками ответа на исторический вопрос, и они опираются, как правило, на случайные данные о мало известных нам процессах. Я в качестве иллюстрации могу привести пример рассуждения о сельском хозяйстве. Тут приводились данные о том, что плохо прошла уборка урожая в этом году, и я приведу данные, наверное, столь же случайные, но они будут доказывать блестящие успехи. Во-первых, сельское хозяйство является единственной сферой народного хозяйства, в которой на сегодня спад остановлен. Строго говоря, в растениеводстве спада не было вообще за 2 года реформ, поскольку среднегодовой урожай не ниже прежнего среднегодового по главным зерновым. (Я не буду говорить отдельно по картошке, отдельно по чему-то.) В животноводстве спад производства молока и мяса прекратился где-то весной этого года, а начался он до гайдаровских реформ. Он шел, наверно, лет 5 по причине легко понятной, поскольку значительная часть животноводства была "избушкой на курьих ножках" — индустриальным, скопированным с чужого

образца производством мяса и птицы на импортных кормах за счет вывоза самотлорской нефти. Не стало нефти, не стало валюты, не стало импорта и не стало этого животноводства. Процесс закончился, и сегодня мы имеем животноводство, основанное на отечественных кормах и развивающееся без подъема, но уже и без спада. И наконец, важнейший результат — впервые за 30 лет Россия приступает к экспорту зерна, радикальным образом сократив импорт зерна, одновременно сократив импорт мяса и некоторых других продовольственных продуктов, которые можно производить в России. Самым убедительным, наверное, примером, доказательством, что при таком подходе мы оперируем случайными фактами, является то, что самая страшная, по-моему, проблема, самая опасная политически и социально, — вообще не упоминалась. А самая тяжелая проблема заключается, конечно, в том, что по мере прогресса финансовой стабилизации нас ожидает безработица в таких масштабах, с которыми никто не знает, что делать. И никакой готовности правительства решить проблему эту не видно.

Еще менее плодотворно, мне кажется, рассуждение о том, надо ли нам строить капитализм или не надо. Я не согласен, что в западных странах сотни лет строили капитализм. Там не строили капитализм — никогда и никто. Там решали практические задачи. А такая вещь, как капитализм, выростала в ходе этого естественным путем. И, мне кажется, подход большевиков к Марксовой формационной схеме был ошибочным не потому, что они выбрали социализм, а потому, что простой метод исторического анализа того, что уже произошло, был превращен в плановую задачу, которую надо решать съездам, Госпланам, министерствам. А задача эта все-таки несколько иррациональная. На самом деле, по-моему, в начале XX в. под маской задачи построения социализма решалась задача модернизационная, задача на поиск приспособленного к российским условиям пути перехода от аграрной цивилизации к индустриальной, построения индустриальной цивилизации. Эта задача была решена худшим из всех возможных способов, самым жестоким и дорогостоящим, но она была решена. И пока эта задача решалась, строй был жизнеспособен. Мы можем говорить это с сожалением, но он был жизнеспособен. Строй рухнул тогда, когда встала следующая цивилизационная задача — перехода к постиндустриальной цивилизации, которую (это очень ясно стало где-то в 60-е годы, совершенно очевидно) этот строй решать не мог. И, мне кажется, что нам было бы полезно говорить о том, как мы можем или почему не можем решать эту задачу. Это не есть установка на построение или на непостроение капитализма. И я уж не говорю о том, что спор о том, переходим ли мы к дикому капитализму, предполагает, что мы переходим от чего-то, что было социализмом. Я не думаю, что кто-нибудь может доказать, исходя из строго научных марксистских критериев, что исходное состояние нашего общества было именно социализмом.